

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Сагарда

**Святого Григория Чудотворца
«Благодарственная речь Оригену»**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 11. С. 1177-1198.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Святаго Григорія Чудотворца благодарственная рѣчь Оригену.

Предварительныя замѣчанія.

РѢЧЬ, которую Григорій, впоследствии основатель Понтийской церкви и знаменитый «Чудотворецъ», произнесъ въ Кесаріи Палестинской при прощаніи съ своимъ учителемъ Оригеномъ, имѣя въ виду возвратиться на родину, по справедливости считается однимъ изъ поучительнѣйшихъ произведеній третьяго вѣка.

Значеніе ея основывается прежде всего на томъ, что она даетъ очень интересныя и важныя свѣдѣнія о методѣ преподаванія Оригена въ кесарійской школѣ. Св. Григорій весьма живо и наглядно изображаетъ, съ какимъ глубокимъ психологическимъ пониманіемъ, съ какимъ широкимъ взглядомъ и полнымъ любви усердіемъ, съ какою основательностью и всесторонностью, съ какимъ педагогическимъ тактомъ Оригенъ умѣлъ приковать къ себѣ учениковъ и возбудить въ нихъ горячую любовь и высокое уваженіе къ своей личности и къ занятіямъ «философіей». Онъ подробно описываетъ, какъ Оригенъ склонялъ сердца юношей къ изученію философіи, какъ потомъ онъ испытывалъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ по сократовскому методу и дѣлалъ способными воспринимать его ученіе, чтобы, подготовивши ихъ такимъ образомъ, своими лекціями, расположенными въ методической послѣдовательности, ввести въ различныя области знанія. Начало составляли логика и діалектика, затѣмъ слѣдовала физика (въ античномъ смыслѣ) съ присоединеніемъ геометріи и астрономіи. Эти науки должны были служить частью формальному развитію слушателей, а частью обогащенію ихъ знаніями относительно явле-

ній земли и неба. Собственно зерно обученія составляли этика и богословіе. Этическое наставленіе не должно было ограничиваться усвоеніемъ теоретическихъ положеній, но центръ тяжести его былъ въ практическомъ образованіи характеровъ, которое наилучшую норму имѣло въ живомъ примѣрѣ учителя. Богословіе обнимало съ одной стороны изученіе древнихъ мыслителей и поэтовъ, кромѣ безбожниковъ, и, съ другой стороны, изъясненіе Священнаго Писанія.—Св. Григорій слушалъ Оригена въ Кесаріи Палестинской, гдѣ онъ поселился послѣ вынужденнаго удаленія изъ Александріи. У Оригена не было основаній измѣнять свои педагогическіе приемы, испытанные долготѣней практикой; поэтому несомнѣнно, что тѣ свѣдѣнія, какія св. Григорій сообщаетъ о преподаваніи Оригена въ Кесаріи, могутъ быть перенесены и на дѣятельность его въ александрійской катихизической школѣ, а въ такомъ случаѣ на основаніи ихъ можно прослѣдить, какъ подъ его руководствомъ александрійское училище развилось въ христіанскую философскую школу въ полномъ смыслѣ слова.

Не менѣе важное значеніе рѣчи и въ томъ, что она является однимъ изъ главныхъ и самымъ надежнымъ источникомъ для біографіисамого автора ея. Св. Григорій сообщаетъ въ ней о юношескомъ періодѣ своей жизни до встрѣчи съ Оригеномъ и здѣсь даетъ такія свѣдѣнія, которыхъ нельзя найти въ другихъ источникахъ. Кромѣ того, какъ отдѣльныя мѣста рѣчи, такъ и все содержаніе ея представляютъ много цѣнныхъ данныхъ для характеристики личности св. Григорія въ столь важную пору его жизни: его борьбу съ самимъ собою, ревность къ самоусовершенствованію, стремленіе проникнуть въ христіанскія истины, жажду добродѣтели,—словомъ, въ извѣстномъ смыслѣ исторію развитія характера выдающагося отца Церкви III вѣка. Наконецъ, рѣчь отмѣчаетъ и тотъ путь, по которому шло сформированіе богословскихъ воззрѣній св. Григорія: въ Кесаріи онъ постигъ христіанство болѣе съ философской точки зрѣнія и, видимо, еще не всецѣло проникъ въ глубины христіанскихъ истинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже усвоилъ тѣ сѣмена, которыя развились впоследствии.

Обычно рѣчь св. Григорія называютъ «панегирикомъ». Но обозначеніе ея *προσφωνητικός καὶ πανηγυρικός λόγος* введено въ первый разъ только Gerh. Vossius'омъ († 1609 г.). Въ рукописяхъ она озаглавляется: *λόγος προσφωνητικός*. Самъ св. Григорій называетъ свою рѣчь *λόγος χαριστήριος* (III, 31 и IV, 40),

почему и мы поставили въ заглавіи: «благодарственная рѣчь». Въ дѣйствительности рѣчь св. Григорія не можетъ быть названа панегирикомъ знаменитому учителю: она является только выраженіемъ искренней благодарности глубоко признательнаго ученика за полученное наученіе. Въ ней нѣтъ преувеличенныхъ похвалъ и чрезмѣрнаго прославленія Оригена, — она даетъ только истинное изображеніе того, что пережилъ и чувствовалъ св. Григорій. Правда, нѣкоторыя выраженія могутъ показаться слишкомъ сильными, но они несомнѣнно вполне вытекаютъ изъ того глубокаго уваженія и почитанія, какое ученикъ питалъ къ своему учителю; кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что рѣчь св. Григорія—ораторское произведеніе, составленное согласно современнымъ ему требованіямъ ораторскаго искусства.

Предлагаемый переводъ рѣчи св. Григорія сдѣланъ съ греческаго текста, изданнаго *P. Koetschau*: *Des Gregorios Thaumaturgos Dankrede an Origenes*. Freiburg in Br. u. Leipzig [1894] (въ серіи: *Sammlung ausgewählter kirchen-und dogmengeschichtlicher Quellschriften*, herausgeb. v. Prof. *G. Krüger*, 9 Н.). Хотя это изданіе встрѣчено было отчасти даже рѣзкими критическими отзывами (ср., напр., замѣчанія А. Brinkmann'а въ «*Rheinisches Museum für Philologie*», N. F. B. 65, Н. 1. [1901], S. 55—76), однако оно является лучшимъ изъ существующихъ.

Въ стилистическомъ отношеніи рѣчь св. Григорія представляетъ значительныя трудности для точной передачи ея на другихъ языкахъ: ораторъ любитъ длинные и запутанные періоды, прерываемые вводными предложеніями; часто встрѣчаются анаколуфы и эллипсисы и т. п.; обычна конструкція предложеній съ предикатами въ причастной формѣ. При переводѣ необходимо было по возможности устранить запутанность и неясность рѣчи и въ то же время сохранить особенности оригинальнаго языка писателя.

Н. Сагарда.

Благодарственная рѣчь Оригену.

І. 1) Хорошая вещь—молчаніе и именно какъ часто для многихъ другихъ [людей], такъ особенно для меня въ настоящій моментъ, когда у меня волей-неволей замыкаются уста, и я вынуждаюсь молчать. 2) Ибо я не навѣкъ и неискусень въ тѣхъ прекрасныхъ и благопрістойныхъ рѣчахъ, которыя произносятся или составляются въ стройной послѣдовательности,

какъ бы въ неудержимомъ потокѣ, изъ отмѣнныхъ и превосходныхъ словъ и выраженій. Можетъ быть, я и отъ природы слишкомъ мало способенъ заниматься этимъ пріятнымъ и поистинѣ эллинскимъ дѣломъ. 3) Между тѣмъ вотъ прошло уже восемь лѣтъ съ того времени, какъ ни мнѣ самому совершенно не приходилось произносить что-либо, или писать какую-нибудь большую или малую рѣчь, ни слышать другого, кто бы частнымъ образомъ писалъ или произносилъ, или же публично держалъ похвальные и защитительныя рѣчи, кромѣ этихъ достойныхъ удивленія мужей ¹⁾, которые съ любовію занялись прекрасной философіей. 4) Но и у нихъ мало заботы о красотѣ рѣчи и благопристойности выраженій: полагая словесное благозвучіе на второмъ мѣстѣ, они хотятъ съ точностью изслѣдовать и выразить самую сущность вещей. 5) Не то, чтобы, думаю я, они не стремились къ этому,—напротивъ, они даже очень желаютъ свои прекрасныя и точныя мысли выразить въ красивой и стройной рѣчи,—но они, можетъ быть, не въ состояніи такъ легко объять одною и тою же и къ тому еще ограниченою человѣческою душою, съ одной стороны, священную и богоподобную силу, заключающуюся въ ихъ мысляхъ, и, съ другой стороны, слово, краснорѣчивое въ своихъ выраженіяхъ,—это два преимущества, которыя у отдѣльнаго человѣка выступаютъ обособленно и въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположны другъ другу. 6) Если размышленію и изслѣдованію, такъ сказать, благопріятствуетъ и содѣйствуетъ молчаніе, то краснорѣчія и благозвучія въ словѣ съ успѣхомъ можно искать не въ чемъ иномъ, какъ въ рѣчахъ и въ непрерывномъ упражненіи въ нихъ.

7) Между тѣмъ еще и другая наука сильно занимает мой умъ, и уста сковываютъ языкъ, если бы я захотѣлъ даже немного сказать на языкѣ Эллиновъ,—это достойныя удивленія наши законы, по которымъ теперь направляются дѣла всѣхъ состоящихъ подъ властью Римлянъ людей и которые безъ тяжелаго труда не могутъ быть ни согласованы, ни основательно изучены; такъ какъ и сами по себѣ они мудрыя и точныя и разнообразныя и достойныя удивленія и, однимъ словомъ, въ высшей степени соотвѣтствуютъ эллинскому духу, но, кромѣ того, они написаны и переданы на языкѣ Римлянъ, который вызываетъ изумленіе, величественъ и вполне сообразенъ

¹⁾ Св. Григорій, очевидно, разумѣетъ присутствовавшихъ въ собраніи христіанскихъ философовъ, друзей Оригена.

съ царственной властью; но для меня тѣмъ не менѣе онъ представляет свои трудности. 8) Сверхъ того, въ дѣйствительности я не имѣлъ возможности и, должно сказать, никогда не имѣлъ и желанія [основательно усваивать ихъ].

Но такъ какъ наши рѣчи суть не иное что, какъ нѣкотораго рода образы чувствъ нашей души, то мы должны признать, что сильные въ словѣ, подобно хорошимъ живописцамъ, въ высшей степени опытнымъ въ своемъ искусствѣ и располагающимъ большимъ количествомъ вещества для красокъ, если нѣтъ ни въ чемъ препятствій, могутъ писать картины не только однѣ и тѣ же, но также и разнообразныя и такія, которыя вслѣдствіе богатаго смѣшенія цвѣтовъ, достигаютъ высшей степени красоты.

II. Но я, подобно бѣдняку, не располагаю такими разнообразными красками, потому ли, что я никогда не обладалъ ими, или, можетъ быть, потому, что потерялъ ихъ; [поэтому] по мѣрѣ моихъ силъ я нарисую первообразы чувствъ моей души какъ бы углями только или черепками, т. е. привычными для меня и общеупотребительными словами и изреченіями, изображая ихъ въ выраженіяхъ, которыми я свободно владѣю, и попытаюсь представить характерныя черты образовъ моей души, если даже и не ясныя и не раскрашенные, то по крайней мѣрѣ хотя въ наброскахъ углемъ; если при этомъ мнѣ встрѣтится гдѣ-либо что-нибудь благообразное и благозвучное, я съ удовольствіемъ приму, а если нѣтъ, то поищу такихъ выраженій.

9) Но есть также еще третье обстоятельство, которое препятствуетъ и отвращаетъ и гораздо болѣе другихъ удерживаетъ и просто предписываетъ мнѣ соблюдать молчаніе, именно самый предметъ, ради котораго я охваченъ желаніемъ говорить, но теперь медлю и не рѣшаюсь. 10) Ибо я имѣю въ мысли говорить о мужѣ, который по внѣшнему виду и по общему мнѣнію—человѣкъ, но для тѣхъ, кто можетъ проникать своимъ взоромъ въ глубины его внутреннихъ качествъ, онъ уже надѣленъ высшими преимуществами, которыя приближаютъ его къ Божеству. 11) Но я не намѣренъ восхвалять происхожденія и тѣлеснаго воспитанія,—я не рѣшаюсь на это и удерживаюсь вслѣдствіе чрезвычайнаго благоговѣнія предъ нимъ; не буду также восхвалять тѣлесной силы и красоты,—это предметы похвальныхъ рѣчей для юношей, у которыхъ мало заботы о томъ, говорятъ ли о нихъ по достоинству или нѣтъ,—12) ибо было бы безцѣльно и легкомысленно о предметахъ, не имѣющихъ продолжительнаго и

устойчиваго бытія, но многоразличнымъ образомъ и скоро проходящихъ держать рѣчь въ возвышенномъ и торжественномъ тонѣ уже въ самомъ вступленіи къ ней,—я не могъ бы говорить объ этомъ, если бы что-либо въ этомъ родѣ предложено было мнѣ въ качествѣ темы для рѣчи, такъ какъ это—бесполезные и пустые предметы и такіе, которыхъ я никогда не избралъ бы добровольно для своей рѣчи. Впрочемъ, если бы мнѣ дѣйствительно предстояло говорить о такомъ предметѣ, то въ моей рѣчи не было бы ни какого-либо замѣшательства, ни безпокойства о томъ, чтобы не показалось, что я говорю что-либо ниже достоинства предмета. 13) Но теперь я хочу напомнить о томъ, что у него самое богоподобное и что въ немъ родственно съ Богомъ, съ одной стороны заключено въ этомъ видимомъ и смертномъ мужѣ, а съ другой стороны самымъ усерднымъ образомъ стремится уподобиться Богу, и намѣреваюсь коснуться въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе возвышенныхъ предметовъ и принести благодареніе Богу за то, что мнѣ даровано встрѣтиться со столь великимъ мужемъ, вопреки всякому человѣческому ожиданію, какъ другихъ, такъ и моему собственному, такъ какъ я и не предполагалъ никогда и не надѣялся; такихъ важныхъ предметовъ намѣрень коснуться я, ничтожный и умственно ограниченный,—развѣ не благоразумно, что я уклоняюсь и медлю и добровольно готовъ молчать?

14) И въ самомъ дѣлѣ, представляется безопаснымъ для меня соблюдать молчаніе, чтобы подъ предлогомъ благодарности вслѣдствіе необдуманности, можетъ быть, не сказать о возвышенныхъ и священныхъ предметахъ чего-либо недостойнаго, ничтожнаго и презрѣннаго; и такимъ образомъ я не только не достигну истины, но и причину ей, насколько отъ меня зависитъ, какой-либо ущербъ у тѣхъ, кто вѣритъ, что такъ и въ дѣйствительности, какъ изображаетъ мое слабое слово, которое болѣе оскорбляетъ, чѣмъ въ своемъ содержаніи даетъ точное изображеніе его дѣлѣ. 15) Однако, твои достоинства, возлюбленная глава, не могутъ быть ни умалены, ни поруганы, и еще гораздо болѣе не можетъ потерпѣть какого-либо ущерба отъ моихъ ничтожныхъ и недостойныхъ словъ то божественное, которое само по себѣ пребываетъ непоколебимымъ. 16) Но я не знаю, какъ мнѣ избѣжать впечатлѣнія дерзости и необдуманности, если я по неразумію, съ ничтожнымъ умомъ и средствами, наскაკиваю на великія и во всякомъ случаѣ

превосходящія мои силы дѣла. 17) Да, если бы гдѣ - либо въ другомъ мѣстѣ и предъ другими слушателями я рѣшилъ на такой легкомысленный (собств. юношескій) поступокъ, тогда я въ извѣстной степени былъ бы дерзкимъ и безразсудно смѣлымъ; однако не наглость была бы виною моего необдуманнаго выступленія, такъ какъ я отважился бы на это не въ твоёмъ присутствіи. 18) Но теперь я исполню мѣру безразсудства, или даже уже и исполнилъ, осмѣлившись войти, какъ говорится, съ неумытыми ногами въ тѣ уши, въ которыя само божественное слово входитъ и пребываетъ съ нисколько не покрытыми ногами,—не такъ, какъ [входитъ] въ уши многихъ людей, какъ бы подъ толстыми кожами, именно подъ загадочными и неясными выраженіями,—но, можно сказать, съ обнаженными ногами, ясное и совершенно познаваемое. Я же несу свои человѣческія слова, какъ какую-то грязь и нечистоту, и осмѣливаюсь вливать ихъ въ уши, навикшія слушать божественные и чистые звуки. 19) Итакъ, развѣ недостаточно доселѣ я уже погрѣшилъ [своимъ словомъ], и не должно ли, по крайней мѣрѣ, теперь начать быть благоразумнымъ, и уже далѣе не продолжать рѣчи, но прекратить ее? Я, конечно, хотѣлъ бы. 20) Однако, разъ я уже осмѣлился, да позволено будетъ мнѣ прежде всего указать причину, побуждаемый которою я пришелъ въ это собраніе,—можетъ быть мнѣ будетъ оказано и снисхожденіе за эту смѣлость.

III. 21) Страшной мнѣ представляется неблагодарность, страшной и въ полномъ смыслѣ слова страшной. 22) Ибо, получивши благодѣяніе, даже не попытаться воздать, если невозможно иначе, то по крайней мѣрѣ благодарностью въ словахъ, свойственно или совершенно безразсудному, или нечувствительному къ благодѣяніямъ, или безпамятному. 23) Но у кого съ самага начала были и чувство и пониманіе прекраснаго, которое онъ испыталъ, такой, если у него не сохраняется на послѣдующее время даже воспоминанія объ этомъ и если онъ не приноситъ никакой благодарности виновнику добраго, такой—негодный, неблагодарный и нечестивый человѣкъ, согрѣшающій непростительнымъ образомъ ни для кого, занимаетъ ли онъ высокое положеніе или низкое. 24) [Въ первомъ случаѣ] если онъ занимаетъ высокое положеніе и [человѣкъ] большого ума, [то грѣхъ его въ томъ], что онъ не носитъ на своихъ устахъ со всею благодарностью и почтеніемъ великихъ благодѣяній, которыя онъ испыталъ; [во второмъ слу-

чаѣ] если онъ занимаетъ низкое положеніе и человекъ недалекій, [то его грѣхъ въ томъ], что не со всею имѣющеюся у него силою выражаетъ хвалу и благоговѣніе къ тому, кто благодѣтельствуетъ не великимъ только, но и малымъ. 25) Кто занимаетъ болѣе высокое положеніе и превосходитъ душевными силами, тѣ, сообразно съ ихъ бѣльшими средствами и великимъ богатствомъ, необходимо должны по своимъ силамъ воздавать своимъ благодѣтелямъ бѣльшее и почтительнѣйшее прославленіе. 26) Но и незначительнымъ людямъ и находящимся въ бѣдственномъ положеніи не слѣдуетъ быть ни безучастными, ни беспечными, ни падать духомъ на томъ основаніи, будто они не могутъ сдѣлать ничего ни достойнаго, ни совершеннаго. 27) Но подобно бѣднымъ, однако благодарнымъ, они должны принимать за мѣрку силу не почитаемаго, а свою собственную, и изъ присущей имъ силы оказывать почести, которыя, можетъ быть, будутъ угодны и пріятны почитаемому и не будутъ у него поставлены на второмъ мѣстѣ по сравненію съ великими и многими [выраженіями благодарности], если принесутъ ихъ съ болѣею готовностью и съ всецѣло преданнымъ настроеніемъ. 28) Такъ, въ священныхъ книгахъ ¹⁾ повѣствуется, что нѣкая незначительная и бѣдная женщина одновременно съ богатыми и сильными людьми, которые отъ своего богатства жертвовали большіе и многоцѣнные дары, одна только принесла незначительный и самый ничтожный даръ, который однако составлялъ все, что у нея было, и получила свидѣтельство того, что она дала болѣе всѣхъ. Ибо, я думаю, священное слово измѣряло цѣнность и превосходство [дара] не количествомъ даваемого вещества, которое есть нѣчто внѣшнее, но скорѣе настроеніемъ и намѣреніемъ, съ какими онъ былъ принесенъ. 29) Поэтому и мнѣ совершенно не слѣдуетъ отступать изъ боязни, что моя благодарность не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать благодѣяніямъ, но совсѣмъ напротивъ [я долженъ] отважиться и попытаться, какъ бы въ воздаяніе, оказать почести, если и не надлежащія, то, по крайней мѣрѣ, посильныя для меня. Если моя рѣчь и не достигнетъ совершеннаго, то по крайней мѣрѣ она отчасти будетъ имѣть своимъ результатомъ то, что избѣжить всецѣлаго упрека въ неблагодарности. 30) Ибо поистинѣ было бы неблагороднымъ совершенно молчать подъ благовиднымъ предлогомъ, что не мо-

¹⁾ Лук. XXI 1—4; Мрк. XII, 41—44.

жешь сказать ничего достойнаго; но благоразумно стремленіе всегда воздавать, даже еслибы сила приносящаго благодарность была слабѣе достойной [благодѣтеля]. Такимъ образомъ, если я даже не въ состояніи говорить по достоинству, я не буду молчать; но если исполню все, что будетъ въ моихъ силахъ, то я даже еще похваюсь этимъ.

31) Итакъ, настоящее мое слово должно быть благодарственнымъ. Я не хотѣлъ бы говорить, что [благодареніе обращено непосредственно] къ Богу, Владыкѣ вселенной. Однако, отъ Него для насъ всѣ начала благъ, отъ Него же и мнѣ должно начать благодаренія, пѣнія и хвалы. 32) Но вѣдь если бы даже я принесъ всего себя, конечно, не такого, каковъ я теперь,—сквернаго и нечистаго, запятаннаго и смѣшаннаго съ постыднымъ и нечистымъ зломъ, но свободнаго отъ этого—въ состояніи возможно высшей чистоты, свѣтлости и непорочности и безъ всякой примѣси несовершенства, — такъ, говорю, еслибы я даже всего себя, обнаженнаго отъ этого, какъ бы новорожденнаго принесъ и отдалъ, и тогда я съ своей стороны не принесъ бы достойнаго дара въ честь и въ воздаяніе Правителю и Виновнику вселенной. 33) Восхвалить Его по достоинству никогда не могъ бы ни каждый въ отдѣльности, ни даже всѣ вмѣстѣ, даже если бы все чистое сдѣлалось единымъ и тѣмъ же, вышло изъ себя и скорѣе, собранное въ единомъ духѣ и въ единомъ согласномъ порывѣ, обратилось къ Нему. 34) Ибо еслибы кто могъ постигнуть что-нибудь изъ Его дѣлъ наилучшимъ и исчерпывающимъ образомъ и, еслибы это возможно было, могъ сказать о немъ по достоинству, то ради этой самой способности, которой онъ могъ быть удостоенъ не отъ другого кого-нибудь, но которую получилъ отъ Него же, невозможно, чтобы онъ могъ приобрѣсти откуда-нибудь что либо иное большее и принести Ему въ благодарность.

IV. 35) Но я обращаю свои хвалы и пѣсни къ Царю и Хранителю вселенной, къ неисчерпаемому источнику вселенскихъ благъ, Который также и въ этомъ уврачуешь мою немощь и одинъ только можетъ восполнить недостающее, Предстателю душъ нашихъ и Спасителю, перворожденному Его Слову, Создателю и Управителю вселенной. 36) Онъ одинъ только можетъ возсылать постоянныя и непрерывныя благодаренія Отцу какъ за Себя самого, такъ и за всѣхъ, и именно за cadaго въ отдѣльности и за всѣхъ вмѣстѣ. Поелику Онъ

есть истина и мудрость и сила самого Отца всего, къ тому же еще Онъ въ Немъ есть и съ Нимъ соединенъ совершенно, то невозможно, чтобы Онъ или по забывчивости, или по недостатку мудрости, или по какой-либо немощи, подобно тому, кто отчужденъ отъ Него, или не достигъ [необходимой] силы, чтобы восхвалить Его, или и достигъ, но добровольно,—чего не слѣдуетъ говорить,—оставилъ Своего Отца безъ восхваленія. 37) Онъ одинъ можетъ совершеннѣйшимъ образомъ исполнить всю надлежащую мѣру приличествующей Ему хвалы. Тотъ, Кого Самъ Отецъ всего содѣлалъ единымъ съ Собою, когда чрезъ Него едва не превзошелъ Самого Себя, долженъ въ совершенно равной степени нѣкоторымъ образомъ почитать Его, какъ и Самъ почтенъ отъ Него. Это именно, первый и единственный изъ всего сущаго, получилъ въ удѣлъ Его Единородный, сущій въ Немъ Богъ Слово; 38) тогда какъ всѣ прочіе только такимъ образомъ можемъ быть благодарными и благоговѣйными, если на Него одного перенесемъ и возложимъ всю силу достойнаго благодаренія за всѣ [дарованныя] намъ отъ Отца благодѣянія, исповѣдуя, что это единственный путь богопочтенія—чрезъ Него во всемъ памятовать о Виновникѣ вселенной. 39) Поэтому именно должно исповѣдать, что для благодаренія и хвалы постоянному промысленію обо всемъ, которое печется о насъ какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ незначительномъ, и которое привело насъ сюда, вполне достойно и достаточно [только] то слово, которое есть совершеннѣйшее и живое и духовно оживляющее Слово перваго Ума.

40) Мое же настоящее слово да будетъ благодареніемъ изъ всѣхъ людей преимущественно сему мужу. Но если бы я захотѣлъ [съ моею благодарностью] взойти нѣсколько выше, то между тѣми, которые невидимы, стоятъ ближе къ божественному и пекутся о людяхъ, [она должна быть обращена къ] тому, кто, по нѣкому великому опредѣленію, получилъ въ удѣлъ съ дѣтства руководить мною, воспитывать и опекать меня, 41) святой ангелъ Божій, пасущій меня отъ юности моей, какъ говорить тотъ боголюбезный мужъ ¹⁾, имѣя въ виду, очевидно, своего ангела. 42) Однако онъ, будучи великимъ, соотвѣтственно съ этимъ получилъ величайшаго [ангела], или кого иного, кто бы онъ ни былъ, или, можетъ быть, даже самого

¹⁾ Іаковъ—Быт. XLVIII, 15.

великаго совѣта Ангела ¹⁾), общаго Спасителя всѣхъ, чтобы, ради его совершенства, Онъ былъ исключительнымъ его хранителемъ,—я этого точно не знаю: во всякомъ случаѣ онъ въ своемъ ангелѣ, кто бы онъ ни былъ, и позналъ и прославлялъ вѣчто великое. 43) Я же [познаю и прославляю] кромѣ общаго Правителя всѣхъ людей также и этого [моего], который является руководителемъ собственно меня неразумнаго. 44) Онъ, будучи для меня во всѣхъ отношеніяхъ добрымъ воспитателемъ и попечителемъ,—не такъ, какъ мнѣ или кому-либо изъ дорогихъ мнѣ родственниковъ кажется полезнымъ, ибо мы слѣпы и не видимъ ничего изъ того, что предъ нами, такъ что не можемъ и судить о томъ, что намъ нужно, но какъ представляется полезнымъ ему, такъ какъ онъ провидитъ все, что относится къ пользѣ нашей души,—издавна, а также и теперь еще воспитываетъ, наставляетъ и руководитъ, 45) и, кромѣ всего прочаго, онъ устроилъ такъ, что я пришелъ въ соприкосновеніе съ этимъ мужемъ,—это безспорно самое важное,—который ни по происхожденію и по человѣческой крови не состоитъ въ родствѣ со мною, ни иначе не былъ въ близкихъ ко мнѣ отношеніяхъ, не жилъ и въ сосѣдствѣ со мною, ни даже вообще не былъ единоплеменнымъ,—это именно то, что для многихъ людей бываетъ поводомъ дружбы и знанія [другъ друга],—46) но, кратко сказать, онъ съ истинно божественною и мудрою предусмотрительностью привелъ въ одно мѣсто насъ незнакомыхъ, различныхъ по происхожденію, взаимно чуждыхъ, совершенно далеко стоящихъ другъ отъ друга, насколько находящіяся между нами народы, горы и рѣки раздѣляютъ насъ, и устроилъ эту спасительную для меня встрѣчу; и это, я думаю, онъ предусмотрѣлъ, по данному свыше указанію, отъ самаго моего рожденія и дѣтства. 47) А какимъ образомъ, слишкомъ долго было бы повѣствовать, не только, если бы я стремился быть точнымъ и ничего не пропустить, но даже если бы я, опустивши многое, захотѣлъ сжато упомянуть только о немногомъ изъ самаго главнаго.

V. 48) Первоначальное мое воспитаніе отъ самаго рожденія проходило подъ наблюденіемъ родителей, а нравы въ отеческомъ домѣ уклонялись отъ пути истины. Что я освобожусь отъ нихъ, этого, я думаю, и никто другой не ожидалъ, и не было никакой надежды у меня самого, такъ какъ я былъ еще дитятей и неразумнымъ и находился подъ властью отца, преданнаго идолопоклонству. 49) Потомъ—потеря отца и сирот-

¹⁾ Ср. Исаіи IX, 6.

ство, которое, можетъ быть, было для меня началомъ истиннаго познанія. 50) Ибо тогда въ первый разъ я обратился къ спасительному и истинному слову, не знаю какъ [это произошло], болѣе ли по принужденію или добровольно. Ибо какая способность сужденія могла быть у меня въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ? Между тѣмъ съ того времени это священное слово тотчасъ начало, такъ сказать, посѣщать меня, потому что въ немъ именно достигъ полнаго выраженія всеобщій разумъ человѣчества; однако, тогда оно посѣтило меня въ первый разъ. 51) Я считаю,—если и не издавна, то, по крайней мѣрѣ, когда размышляю объ этомъ теперь,—немаловажнымъ признакомъ священнаго и дивнаго промысленія обо мнѣ именно это стеченіе обстоятельствъ, которое можетъ быть такъ расчислено по годамъ, чтобы, съ одной стороны, все, что предшествовало этому возрасту, насколько оно состояло изъ дѣлъ заблужденія, могло быть отнесено на счетъ моей незрѣлости и неразумія, и чтобы священное слово напрасно не было ввѣрено душѣ, еще не владѣющей разумомъ, 53) но, съ другой стороны, чтобы, когда она сдѣлается уже способною къ разумной дѣятельности, она не была лишена, если даже и не божественнаго и чистаго разума, то, по крайней мѣрѣ, страха, сообразнаго съ этимъ разумомъ, и чтобы человѣческій и божественный разумъ одновременно достигли господства во мнѣ, одинъ—помогая мнѣ неизъяснимою для меня, но ему свойственною силою, а другой—воспринимаемая эту помощь¹⁾. 54) Размышленіе объ этомъ исполняетъ меня одновременно и радостью и страхомъ, когда, съ одной стороны, это водительство возвеличиваетъ меня, но, съ другой стороны, я боюсь, что, даже удостоенный столь великаго, я тѣмъ не менѣе не достигну цѣли. 55) Однако, не знаю какимъ образомъ, моя рѣчь слишкомъ задержалась на этой части [моего повѣствованія]; съ одной стороны, я хотѣлъ бы подробно изложить дивное направленіе меня къ этому мужу, однако, съ другой стороны, съ самаго начала поспѣшаю и доселѣ говорю кратко, чтобы перейти къ слѣдующему по порядку, не потому, что будто я воздалъ должную хвалу или благодареніе и по-

¹⁾ Въ основѣ этихъ разсужденій св. Григорія (§§ 50—53), очевидно, лежитъ ученіе стоической школы, что развитіе въ человѣкѣ λόγος или ψυλονομία заканчивается въ 14 лѣтъ; этотъ взглядъ нашелъ широкое распространеніе и внѣ школы и послужилъ мотивомъ для предписанія начинать обученіе философіи съ 14-лѣтняго возраста.

чтеніе тому, кю такъ управилъ меня,—да не буду высокоомѣрнымъ, употребляя такія выраженія и въ то же время не говоря ничего достойнаго,—но потому, что я просто предлагаю повѣствованіе или открытое исповѣданіе или какъ иначе приличнымъ образомъ можно назвать это.

56) Моей матери, которая одна изъ родителей осталась, чтобы заботиться обо мнѣ, угодно было, воспитывая меня во всемъ прочемъ, какъ мальчиковъ не неблагороднаго, разумѣется, происхожденія и воспитанія, послать меня въ школу къ ритору, такъ какъ я долженъ былъ сдѣлаться риторомъ. И дѣйствительно, я посѣщалъ эту школу, и тогдашніе свѣдущіе люди увѣряли, что въ непродолжительномъ времени я буду риторомъ; съ своей стороны я и не могъ и не хотѣлъ бы утверждать этого. 57) Не было даже никакого основанія для этого, но не было также еще и никакихъ предположеній для причинъ, которыя могли привести меня на настоящій путь; но вѣдь у меня былъ неусыпный божественный воспитатель и истинный попечитель: онъ, когда ни домашніе не помышляли, ни самъ я не обнаруживалъ желанія, 58) внушилъ мысль одному изъ моихъ учителей, которому поручено было только наставить меня въ латинскомъ языкѣ,—не для того, чтобы я достигъ въ немъ совершенства, а чтобы я и въ этомъ языкѣ не былъ совершенно несвѣдущимъ; но случайно онъ имѣлъ нѣкоторыя познанія и въ законахъ. 59) Внушивши ему эту мысль, онъ чрезъ него склонилъ меня изучать римскіе законы. И мужъ тотъ дѣлалъ это съ большою настойчивостью. Я позволилъ убѣдить себя, но больше изъ желанія доставить удовольствіе мужу, чѣмъ изъ любви къ тому знанію. 60) Онъ, взявши меня въ качествѣ ученика, началъ учить съ большимъ усердіемъ. При этомъ онъ высказалъ нѣчто, что сбылось на мнѣ самымъ истиннымъ образомъ, именно, что изученіе законовъ будетъ для меня самымъ важнымъ запасомъ на [жизненный] путь,—ибо этимъ именемъ [ἐφόδιον] онъ назвалъ это,—захочу ли я быть риторомъ изъ тѣхъ, которые выступаютъ въ судахъ, или какимъ либо инымъ. 61) Онъ выразилъ такъ, имѣя въ виду въ своей рѣчи человѣческія отношенія; а мнѣ прямо кажется, что онъ предсказывалъ истину, объятый нѣкоторымъ вдохновеніемъ, которое было скорѣе божественнымъ, чѣмъ проистекало изъ его собственныхъ мыслей. 62) Ибо когда я волей-неволей началъ изучать названные законы, то на меня уже нѣкоторымъ образомъ наложены были оковы, и

городъ Берить долженъ былъ послужить и причиною и поводомъ моего пути сюда. Этотъ городъ находился недалеко отъ тогдашняго моего мѣстопробыванія, имѣлъ, такъ сказать, болѣе римскій отпечатокъ и считался разсадникомъ названнаго законовѣднія. 63) А этого священнаго мужа другія дѣла какъ бы навстрѣчу мнѣ влекли и привели въ эту страну изъ Египта, изъ города Александріи, гдѣ онъ жилъ прежде. Я, конечно, и не умѣю опредѣлить побудительныхъ причинъ къ этому [съ его стороны], и охотно пройду мимо нихъ. 64) А между тѣмъ для того, чтобы я прибылъ сюда и вошелъ въ общеніе съ этимъ мужемъ, не было никакой необходимости, насколько это зависѣло отъ изученія мною законовъ, такъ какъ возможно было переселиться и въ городъ Римлянъ. 65) Какъ же и это осуществилось? Тогдашній правитель Палестины неожиданно взялъ къ себѣ моего зятя, мужа моей сестры, и противъ его желанія одного только, раздѣливши съ супругою, перемѣстилъ его сюда, чтобы онъ помогаль ему и раздѣлялъ съ нимъ труды по управленію народомъ,—ибо онъ былъ нѣсколько свѣдущъ въ законахъ и, безъ сомнѣнія, еще и теперь. 66) Зять, отправившись вмѣстѣ съ нимъ, намѣренъ былъ въ непродолжительномъ времени послать за женою и взять ее къ себѣ, такъ какъ разлука съ нею была для него тягостна и непріятна; но вмѣстѣ съ нею онъ хотѣлъ увлечь и меня. 67) Такимъ образомъ, когда я замышлялъ отправиться въ путешествіе, не знаю куда, но во всякомъ случаѣ скорѣе въ другое какое либо мѣсто, чѣмъ сюда, неожиданно явился предо мною воинъ, которому поручено было сопровождать и охранять мою сестру, направляющуюся къ мужу, а вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ спутника, привести и меня. 68) Этимъ я долженъ былъ доставить удовольствіе и зятю, и въ особенности сестрѣ, чтобы она не натолкнулась на что-либо не благопрістойное, или чтобы не боялась путешествія, точно также и самимъ домашнимъ и родственникамъ, которые высоко цѣнили меня, и кромѣ того могли и въ чемъ нибудь иномъ оказать мнѣ не малую пользу, если бы я отправился въ Берить, усердно занявшись тамъ изученіемъ законовъ. 69) Итакъ, все побуждало меня къ этому путешествію]—убѣдительныя основанія, которыя приводили мнѣ по отношенію къ сестрѣ, моя собственная наука, къ тому же еще и воинъ,—ибо и о немъ должно упомянуть,—который принесъ съ собою разрѣшеніе на большее количество, чѣмъ нужно было, государственныхъ колесницъ и подорожныя въ большемъ

числѣ, именно скорѣе для меня, чѣмъ для одной только сестры. 70) Такова была видимая сторона дѣла; но были причины, которыя хотя и не были явны, тѣмъ не менѣе были самыми истинными: общеніе съ этимъ мужемъ, истинное наученіе чрезъ него о Словѣ, польза, которую я долженъ былъ получить отъ этого для спасенія моей души,—[все это] вело меня сюда,—хотя я былъ слѣпъ и не сознавалъ этого, но это служило къ моему спасенію. 71) Итакъ, не воинъ, но нѣкій божественный спутникъ и добрый провожатый и стражъ, сохраняющій меня на протяженіи всей этой жизни какъ бы на далекомъ пути, миновавши другія мѣста и самый Берить, ради котораго больше всего я думалъ устремиться сюда, привелъ меня въ это мѣсто и здѣсь остановилъ; онъ все дѣлалъ и приводилъ въ движеніе, пока со всѣмъ искусствомъ не связалъ меня съ этимъ виновникомъ для меня многихъ благъ. 72) И божественный ангелъ, послѣ того какъ прошелъ со мною такъ далеко и передалъ руководство мною этому мужу, здѣсь, вѣроятно, успокоился, не отъ усталости или изнуренія,—ибо родъ божественныхъ слугъ не знаетъ усталости,—но потому что онъ передалъ меня мужу, который долженъ исполнить все, насколько возможно, промышленіе и попеченіе обо мнѣ.

VI. 73) Онъ же, принявши меня къ себѣ, съ перваго дня, который былъ для меня поистинѣ первымъ, если можно сказать, драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ дней, когда для меня впервые начало восходить истинное солнце, прежде всего приложилъ всякое стараніе къ тому, чтобы привязать меня къ себѣ, въ то время какъ я, подобно звѣрямъ, рыбамъ или птицамъ, попавшимъ въ силки или въ сѣти, но старающимся ускользнуть и убѣжать, хотѣлъ удалиться отъ него въ Берить или въ отечество. 74) Онъ употреблялъ всевозможные доводы, трогалъ, какъ говоритъ пословица, за всякую веревку, прилагалъ всѣ свои силы. 75) Онъ восхвалялъ философію и любителей философіи обширными, многочисленными и приличествующими похвалами, говоря, что они одни живутъ жизнью, поистинѣ приличною разумнымъ существамъ, такъ какъ они стремятся жить правильно, и [прежде всего] достигаютъ знанія о самихъ себѣ, каковы они, а затѣмъ объ истинно благомъ, къ чему человекъ долженъ стремиться, и объ истинно зломъ, чего должно избѣгать. 76) Съ другой стороны, онъ порицалъ невѣжество и всѣхъ невѣжественныхъ; а такихъ много, которые, наподобіе скота, слѣпотствуютъ

умомъ, не знаютъ даже того, что они, блуждаютъ, какъ будто не имѣютъ разума, и вообще не знаютъ и не хотятъ узнавать, въ чемъ дѣйствительная сущность добра и зла, какъ на благо устремляются и жаждутъ денегъ и славы и почета со стороны толпы и благосостоянія тѣла, 77) пѣнять это выше многого и даже всего, изъ искусствъ тѣхъ, которыя могутъ доставить эти блага, а изъ родовъ жизни тѣхъ, которые подаютъ надежду на нихъ—военную службу, судебную и изученіе законовъ. Это,—такъ говорилъ онъ съ особенною настойчивостью и большимъ искусствомъ,—то, что возбуждаетъ насъ, если мы оставляемъ въ пренебреженіи нашъ разумъ, который однако, какъ онъ говоритъ, больше всего въ насъ призванъ къ господству. 78) Я теперь не могу сказать, сколько такого рода изреченій онъ произнесъ, убѣждая меня къ изученію философіи, не одинъ только день, но и много дней въ началѣ, когда я приходилъ къ нему. Я пораженъ былъ его рѣчью, какъ стрѣлою, и именно съ перваго дня,—ибо рѣчь его представляла въ нѣкоторомъ родѣ смѣшеніе пріятной привлекательности, убѣдительности и какой-то принудительной силы,—но я все еще колебался и обдумывалъ, и я рѣшился заняться философіей, еще не будучи совершенно убѣжденъ, но, съ другой стороны, я не могъ, не знаю почему, и удалиться отъ него, а все болѣе и болѣе привлекался къ нему его рѣчами, какъ бы силою какого то высшаго принужденія. 79) Онъ утверждалъ именно, что совершенно невозможно даже почитать Владыку всего, — это преимущество, обладать которымъ между всѣми живыми существами на землѣ почтенъ и удостоенъ одинъ только человекъ, и имъ естественно владѣть всякій, кто бы онъ ни былъ, мудрый или невѣжественный, лишь бы только онъ совершенно не потерялъ, вслѣдствіе какого-либо умопомѣшательства, способности мышленія,—такимъ образомъ, даже богопочтеніе онъ, говоря правильно, объявлялъ совершенно невозможнымъ для того, кто не занимается философіей. 80) Онъ внушалъ мнѣ множество такого рода основаній одни за другими до тѣхъ поръ, пока, какъ бы зачарованнаго его искусствомъ, не привелъ къ цѣли, безъ малѣйшаго движенія [противодѣйствія съ моей стороны] и не знаю, какимъ образомъ, своими рѣчами, какъ бы съ помощью нѣкоторой божественной силы, прочно посадилъ меня подлѣ себя. 81) Ибо онъ поразилъ меня и жаломъ дружбы, съ которымъ не легко бороться, острымъ и сильно дѣйствующимъ, жа-

ломъ умѣлаго обращенія и добраго расположенія, которое, какъ благожелательное ко мнѣ, обнаруживалось въ самомъ тонѣ его голоса, когда онъ обращался ко мнѣ и бесѣдовалъ со мною. Онъ стремился не просто одолѣть меня своими доводами, но благопріятнымъ, человѣколюбивымъ и благороднымъ расположеніемъ спасти и сдѣлать причастникомъ какъ тѣхъ благъ, которыя проистекають изъ философіи, 82) такъ и другихъ, особенно тѣхъ, которыя Божество даровало ему одному превыше многихъ, или, можетъ быть, превыше и всѣхъ нынѣшнихъ людей,—[я разумѣю] учителя благочестія, спасительное Слово, которое ко многимъ приходитъ и всѣхъ, съ кѣмъ только встрѣчается, покоряеть,—ибо нѣтъ ничего, что могло бы противостоятъ Ему, такъ какъ Оно есть и будетъ царемъ всего,—но Оно сокровенно и многими не только съ легкостью, но и съ трудомъ не познается въ такой степени, чтобы, если ихъ спросятъ о Немъ, могли дать ясный отвѣтъ. 83) Подобно искрѣ, попавшей въ самую душу мою, возгорѣлась и воспламенилась моя любовь какъ къ священному, достойнѣйшему любви самому слову, которое, въ силу своей неизреченной красоты, привлекательнѣе всего, такъ и къ сему мужу, его другу, и глашатаю. 84) Въ высшей степени пораженный ею, я былъ убѣжденъ пренебречь всѣми дѣлами или науками, которыя, какъ казалось, были приличны мнѣ, какъ другими, такъ даже самыми моими прекрасными законами, [далѣе] моимъ отечествомъ и моими родственниками какъ тѣми, которые были здѣсь, такъ и тою [т. е. матерью], отъ которой я уѣхалъ; одно было для меня дорого и любезно—философія и руководитель въ ней, этотъ божественный человѣкъ. 85) И соединилась душа Іонаѳана съ Давидомъ ¹⁾. Это позднѣе прочиталъ я въ Священномъ Писаніи, но и прежде я чувствовалъ это не менѣе ясно, чѣмъ сказано [въ этомъ изреченіи], однако [здѣсь] это предсказано очень ясно. 86) Ибо не просто соединенъ былъ Іонаѳанъ съ Давидомъ, но именно самое главное, душа, т. е. то, что никакими средствами не можетъ быть принуждено отдѣлиться даже тогда, когда раздѣляется явное и видимое въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ безъ его согласія. 87) Ибо душа нѣчто свободное и никакимъ образомъ не можетъ быть заключена,—даже заперши въ клѣткѣ, ты не можешь удержать ея. Ибо ей отъ природы свойственно

¹⁾ 1 Цар. XVIII, 1.

прежде всего быть тамъ, гдѣ находится умъ. Но если даже и кажется тебѣ, что она въ клѣткѣ, то она только потому помѣщается туда твоимъ воображеніемъ; поэтому никакимъ образомъ нельзя воспрепятствовать ей быть тамъ, гдѣ бы она ни пожелала быть, тѣмъ болѣе она совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть только тамъ и естественно должна считаться пребывающею тамъ, гдѣ находится мѣсто и цѣль ей одной свойственной и съ нею сообразной дѣятельности. 88) Такимъ образомъ, развѣ [священный писатель] не показалъ совершенно ясно того, что я испыталъ, самымъ краткимъ изреченіемъ, что душа Іонаана была соединена съ душою Давида? Это такая связь, которой противъ воли никакимъ образомъ, какъ я сказалъ, не удастся разорвать, а добровольно не легко явится желаніе. 89) Ибо возможность разрѣшить эти священные и любезнѣйшія узы, какъ я думаю, зависитъ не отъ низшей части, многообразной и очень склонной перемѣнять свои рѣшенія, такъ какъ не отъ нея одной зависѣло и въ началѣ установить этотъ союзъ, но отъ лучшей, твердой и неудобопреклонной, отъ которой болѣе зависѣло и установить эти узы и эту священную связь. И по божественному слову не душа Давида была соединена съ душою Іонаана, 90) а наоборотъ, душа болѣе слабаго, испытавшая это, называется связанною съ душою Давида. Ибо не болѣе сильное, само въ себѣ имѣющее достаточно силъ, по собственному побужденію хотѣло бы быть связаннымъ съ слабѣйшимъ, но слабѣйшее, нуждающееся въ поддержкѣ сильнѣйшаго, должно быть соединено съ сильнѣйшимъ и быть въ зависимости отъ него, чтобы одно, пребывая въ себѣ самомъ, не потерпѣло никакого вреда отъ своего общенія съ слабѣйшимъ, а [другое] неупорядоченное въ себѣ, будучи связано и соединено съ сильнѣйшимъ, не причиняя никакого вреда [первому], силою узъ было бы подчинено лучшему. 91) Поэтому установить узы было дѣломъ [духовно] превосходящаго, а не слабѣйшаго, а быть связаннымъ—дѣло худшаго, такъ что оно не имѣетъ возможности избавиться отъ узъ. 92) Таковыми узами, такъ сказать, крѣпко связавши, этотъ Давидъ держитъ меня не только теперь, но уже съ того времени, и если бы я даже захотѣлъ, то я не могъ бы освободиться отъ его узъ. Если бы я даже и ушелъ отсюда, то и тогда онъ не освободитъ моей души, которую онъ, согласно божественному Писанію, держитъ столь крѣпко связанною.

VII. 93) Впрочемъ, послѣ того какъ онъ съ самаго начала такимъ образомъ захватилъ меня и всѣми возможными способами преодолѣлъ, и послѣ того, какъ имъ было достигнуто главное, и я рѣшилъ остаться, съ того времени онъ [началъ поступать со мною] подобно тому, какъ поступаетъ хорошій земледѣлецъ съ землей, которая невоздѣлана и дѣйствительно никакимъ образомъ не плодородна, но соленая и сожженная, каменистая и песчаная, или даже съ такою, которая и не совсѣмъ бесплодна и по крайней мѣрѣ не лишена растительности, но [напротивъ] даже тучная, и однако невоздѣлана и оставлена въ пренебреженіи, поросла терніемъ и дикимъ кустарникомъ и съ трудомъ поддается обработкѣ; 94) или какъ садовникъ съ деревомъ, которое, правда, дико и не приноситъ благородныхъ плодовъ, однако не совсѣмъ негодно, если кто съ искусствомъ садовника возьметъ благородной ростокъ и привьетъ ему, [сначала] сдѣлавши расщелину посрединѣ, потомъ опять соединивши и связавши, пока оба не срастутся въ одно, какъ два слившіеся источника,—ибо можно видѣть въ нѣкоторомъ родѣ такъ смѣшанное дерево, правда, не настоящей породы, но изъ бесплоднаго сдѣлавшееся плодovitымъ, на дикихъ корняхъ приносящее плоды прекрасной маслины. Или съ деревомъ, которое хотя и дико, но не смотря на это не бесполезно для искуснаго садовника, или и съ благороднымъ деревомъ, которое приноситъ добрые плоды, но иначе чѣмъ слѣдуетъ, или съ деревомъ, которое по недостатку искусства не обрѣзано, не полито и запущено и задушено многими лишними ростками, которые на немъ безцѣльно вырастаютъ и взаимно мѣшаютъ достигать совершенства въ ростѣ и приносить плоды. 95) Такъ онъ овладѣлъ мною и со свойственнымъ ему искусствомъ какъ бы земледѣльца осмотрѣлъ и проникъ не только въ то, что видимо всѣмъ и усматривается на поверхности, но глубоко вскопалъ и изслѣдовалъ самыя внутреннія основанія, ставя вопросы, предлагая [на обсужденіе] и выслушивая мои отвѣты; когда онъ усматривалъ во мнѣ что-либо не непригодное, не бесполезное и не исключющее надежды на успѣхъ, 96) онъ начиналъ вскапывать, перепахивать, поливать, все приводилъ въ движеніе, прилагалъ все свое искусство и заботливость и тщательно воздѣлывалъ меня. Тернія и волчцы и всякій родъ дикихъ травъ и растений, сколько ихъ въ своемъ изобиліи произрастила и произвела моя безпокойная душа, такъ какъ она была

неупорядочена и неразумительна,—все это онъ обрѣзывалъ и удалялъ своими изобличеніями и запрещеніями. 97) Онъ напалъ на меня и, особенно своимъ способомъ доказательства по методу Сократа, иногда повергалъ меня на землю, если видѣлъ, что я, какъ дикая лошадь, совершенно сбрасывалъ узду, выскакивалъ за дорогу и часто безцѣльно бѣгалъ кругомъ, пока убѣжденіемъ и какъ бы принудительною силою—доказательствомъ изъ моихъ собственныхъ устъ, какъ уздою снова дѣлалъ меня спокойнымъ. 98). Сначала мнѣ было тяжело и не безболѣзненно, когда онъ приводилъ свои доказательства, такъ какъ я не привыкъ еще къ этому и не упражнялся въ томъ, чтобы подчиняться доводамъ разума; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и очищалъ меня.

Но какъ только онъ сдѣлалъ меня способнымъ и хорошо приготовилъ къ принятію доказательствъ истины, 99) тогда то, какъ обработанную и мягкую землю, готовую возростить брошенныя въ нее сѣмена, онъ обильно засѣялъ; благовременно онъ и посѣвъ произвелъ, благовременно и весь остальной уходъ совершалъ, все надлежащимъ образомъ и соответственными средствами слова. 100) Все, что было въ моей душѣ притуплено и извращено, потому ли, что отъ природы она была такова, или потому, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго питанія тѣла она огрубѣла, онъ возбуждалъ и ослаблялъ своими утонченными доводами и приемами логическихъ построений, 101) которые, послѣдовательно развертываясь изъ самыхъ простѣйшихъ предположеній и разнообразно переплетаясь другъ съ другомъ, развиваются въ какую-то необыкновенную и трудно разрываемую ткань; они пробуждаютъ меня какъ бы отъ сна и научаютъ всегда держаться поставленной предъ собою цѣли, ни въ какомъ случаѣ не уклоняясь съ прямого пути ни вслѣдствіе отдаленности ея, ни вслѣдствіе того, что она представляется незначительною. 102) А что было во мнѣ необдуманно и опротчетливо, потому ли, что я соглашался съ тѣмъ, что первое попадалось, каково бы оно ни было, даже если оно было ложнымъ, или потому, что я часто противорѣчилъ, даже еслибы высказано было что-либо истинное, — и это онъ исправлялъ какъ прежде названными, такъ и другими разнообразными доводами. Ибо многообразна эта часть философіи [т. е. діалектика], приучающая не безразсудно и не какъ случится соглашаться на доказательства и снова отклонять ихъ, но точно изслѣдовать не только то, что бросается въ глаза,—

103) ибо много замѣчательнаго самого по себѣ и блестящаго подъ покровомъ благородныхъ рѣчей, проникло въ мои уши, какъ еслибы оно было истиннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было внутри испорчено и лживо, но вырывало у меня и получало признаніе своей истинности, а спустя немного изобличалось какъ дурное и недостойное довѣрія, напрасно притворявшееся истиной, — и онъ легко показывалъ мнѣ, что я смѣшнымъ образомъ былъ обманутъ и необдуманно свидѣтельствовалъ о томъ, о чемъ менѣе всего должно было свидѣтельствовать. 104) Наоборотъ, опять другое превосходное, но не выступающее напыщенно или не облеченное въ вызывающія довѣріе выраженія, мнѣ казалось противнымъ здравому смыслу и въ высшей степени недостовѣрнымъ, и просто отвергалось, какъ ложное, и недостойнымъ образомъ подвергалось поруганію, но позднѣе, когда я основательно изслѣдовалъ и обдумывалъ, я узнавалъ, что то, что я дотолѣ считалъ заслуживающимъ быть отвергнутымъ и негоднымъ, въ высшей степени истинно и совершенно непреодолимо, — 105) [такъ вотъ говорю], онъ училъ, что должно основательно изслѣдовать и испытывать не только внѣшнюю сторону и то, что замѣтно выдѣляется, — оно бываетъ иногда обманчиво и коварно рассчитано, — но внутреннюю сущность каждой отдѣльной вещи, не обнаружится ли гдѣ-либо фальшиваго звука, и прежде всего самому убѣдиться въ этомъ и только тогда соглашаться съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и высказывать сужденіе относительно каждаго отдѣльнаго явленія. 106) Такъ развивалъ онъ по законамъ логики способность моей души критически судить относительно отдѣльныхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, 107) а не такъ, какъ блестящіе риторы, которые судятъ по тому, есть ли въ выраженіи что-либо эллинское или варварское, — это знаніе имѣетъ мало значенія и не необходимо. 108) Но то знаніе въ высшей степени необходимо для эллиновъ и для варваровъ, для мудрыхъ и невѣжественныхъ и вообще, — чтобы рѣчь моя не была длинною отъ подробнаго перечисленія всѣхъ въ частности наукъ и занятій, — для всѣхъ людей, какой бы родъ жизни они ни избрали, поскольку по крайней мѣрѣ у всѣхъ, кто ведетъ съ другими рѣчь о какомъ бы то ни было предметѣ, есть забота и стараніе не быть обманутыми.

VIII. 109) Но онъ стремился возбудить и развить не только эту сторону моей души, правильная постановка которой принадлежитъ одной только діалектикѣ, но также и низ-

шю часть моей души: я былъ изумленъ величіемъ и чудесами, а также разнообразнымъ и премудрымъ устройствомъ міра, и я дивился, хотя и безъ разумѣнія, и совершенно пораженъ былъ глубокимъ благоговѣніемъ, но подобно неразумнымъ животнымъ, не умѣлъ ничего объяснить,—110) [такъ онъ возбуждалъ и развивалъ во мнѣ и эту способность] другими отраслями знаній, именно посредствомъ естественныхъ наукъ онъ объяснялъ и изслѣдовалъ каждый предметъ въ отдѣльности и притомъ весьма точно до самыхъ первоначальныхъ элементовъ, потомъ связывалъ это своею мыслью и проникалъ въ природу какъ всего въ совокупности, такъ и каждаго предмета въ отдѣльности, и слѣдилъ за многообразнымъ измѣненіемъ и превращеніемъ [всего] сущаго въ мірѣ, 111) до тѣхъ поръ, пока своимъ яснымъ наученіемъ и доводами, которые онъ частію усвоилъ отъ другихъ, частію самъ придумалъ, не принесъ и не вложилъ въ мою душу, вмѣсто неразумнаго, разумнаго удивленія относительно священнаго управленія вселенной и совершеннѣйшимъ образомъ устроенной природы. 112) Этому возвышенному и божественному знанію научаетъ для всѣхъ возлюбленнѣйшая физиологія. 111) Что же я долженъ сказать о священныхъ наукахъ—всѣмъ любезной и безспорной геометріи и парящей въ высотахъ астрономіи? И все это онъ напечатлѣвалъ въ моей душѣ, научая или вызывая въ памяти, или не знаю, какъ нужно сказать. 114) Первую, именно геометрію, такъ какъ она непоколебима, онъ просто дѣлалъ какъ бы опорой всего и, такъ сказать, крѣпкимъ основаніемъ; а возводя до высочайшихъ областей посредствомъ астрономіи, онъ чрезъ обѣ названныя науки, какъ бы посредствомъ лѣстницы, возвышающейя до небесъ, дѣлалъ для меня доступнымъ небо *).

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки